

Любовь Погова

Между нами
ОБМАН

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й   Л Ю Б О В Н Ы Й   Р О М А Н

Любовь Попова

Между нами обман

Серия «Обман», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

- Просто выслушай меня!
- Раздевайся, – шипит он с яростью.
- Что? Зачем?
- У меня больше года не было секса, как думаешь зачем?
- Миш, у нас дочь есть... Не будь таким.
- Я должен тебе поверить? Тебе, которая меня в тюрьму посадила? Либо раздевайся, либо выметайся...

* * *

Он ненавидит меня за обман и предательство. Но я все равно снова и снова прошу его помощи, потому что должна найти дочь. Нашу с ним дочь. И ради этого я готова на все.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	52
Глава 12	56
Глава 13	62
Глава 14	66
Глава 15	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Любовь Попова

Между нами обман

Глава 1

Волнение как ледяной вихрь. Куртка не спасает. Холод пробирается под нее, вызывая ненормальный тремор рук и ног. Пальцы коченеют, собираются в кулак. Ногти врезаются в кожу ладоней, чтобы хоть немного снизить градус напряжения.

Я мельком смотрю на часы. Вроде пришла вовремя, но жду уже минут тридцать.

Страшно так, что ног больше не чувствую.

Что он скажет. Как посмотрит. Читал ли мои письма. Я писала сначала каждый день, потом раз в неделю, последнее полгода раз в месяц. Ни на одно не было ответа. Не удивлюсь, если он все сжег, если у него была в тюрьме такая возможность. На встречи я тоже приходила, но он ни разу не вышел ко мне. Он ненавидит меня, и я с этим смирилась. Но неужели нельзя просто поговорить. Я бы смогла все объяснить, выслушай он меня хоть раз.

Скрип железа режет по нервам. Почти рвет. Я сглатываю, вглядываясь в силуэт, который появляется на фоне утреннего солнца. Я тру глаза, но продолжаю вглядываться. Миша.

Мой Миша.

Сердце, замершее на миг, пускается галопом.

А ноги только подгоняют его.

Знаю, что столкнусь с его ненавистью, но я это переживу.

Я все вынесу.

Он тормозит в нескольких шагах от меня. Я почти не дышу. Год. Ровно год назад я видела его в зале судебных заседаний. Ровно год назад я превратила его любовь ко мне в ненависть. Всего одной чертовой лживой фразой.

Никогда не забуду, как он на меня посмотрел. Словно пистолет к виску приставила и выстрелила.

– Миша...

– Пошла нахуй.

Вот так. Без церемоний. Прямо и четко.

От него исходит такой холод, что я обнимаю себя, просто чтобы не умереть от обморожения.

– Миш, просто послушай меня.

– Не интересно. Ни слушать, ни тем более видеть.

Жестко, грубо, по делу. Он и сам другим стал за этот год. И дело даже не в потере шикарной шевелюры, по которой я так любила проводить пальцами. Или щетине, что наверняка будет царапать кожу при поцелуях. Просто крепче как – то стал. Словно стальной стержень в себе нашел. Но внешний вид – это цветочки по сравнению со взглядом, которым он меня насквозь пронзает. Без наркоза режет.

– Миша, прости меня, – слезы сами собой текут. – Так бы-

ло нужно!

– То, что ты отличная актриса, я и так понял. «Мне на хрен твои извинения не нужны», – говорит, стараясь обойти, но я приближаюсь. Камикадзе. Просто касаюсь его рукой, но он тут же шипит, словно его обожгли. – Алиса! Отойди, пока не ударил!

– Ты не ударишь. Ты не такой...

– Подойти и узнаешь, какой я! – рывкает он. – Церемониться больше не стану.

– Миша, но ты же не такой. Ты добрый и нежный... Пожалуйста, давай поговорим. Прошу тебя!

– Закрой рот! Своего доброго и нежного Мишу ты потеряла год назад, когда давала ложные показания, – отворачивается он, и тут на дороге тормозит спортивная машина. Из нее выходит Глеб и жмет Мише руку, обнимает, хлопает по спине. Они просто уезжают. Даже не смотрят в мою сторону.

Словно я пустое место. Словно забыли, как боролись за мое тело. Теперь я никто. Предательница. Обманщица.

И мне бы оставить это, отпустить Мишу. Я и правда виновата перед ним. Но я не могу. Мне нужна его помощь. Нужна, чтобы найти Эллу. Иначе все было зря.

Глава 2

Не знаю, сколько стою на одном месте, словно прибитая. Жду, что машина вернется на место, а вместо холодного и чужого Хворостова, появится мой Миша. Тот, что в любви признавался. Тот, что научил меня заново мечтать. Тот, что любил до потери сознания. Но глупо ждать, что он вернется. Глупо ждать, что простит, несмотря на новые обстоятельства, даже несмотря на то, что именно благодаря мне, его отпустили гораздо раньше первоначального срока.

Я наконец отмираю, иду вперед. Начинаю тихо злиться. Почему он такой тугодум. Почему ему просто не прочитать хотя бы одно мое письмо.

Дохожу наконец до остановки и жду свой автобус. Радует, что не пришлось стоять до вечера. Сажусь на свободное место и размышляю, что дальше. Я бы не трогала его, жила бы и дальше своей жизнью, но за год бесполезных поисков я понимаю, что просто не смогу найти Элли сама. У меня нет ни связей, ни ресурсов. У меня даже денег не очень много, хотя я и экономлю на всем.

Пока еду по улицам Питера, вспоминаю тот день, когда дала ложные показания в суде. До последнего надеялась, что Ирина не заставит меня это делать. Но ошибалась. Пришлось выполнить условие до конца. Только тогда она назвала детский дом, в котором содержится Элла. Она показала до-

кументы о приеме, а также свидетельство о рождении. Я помчалась туда сразу после суда, а нашла лишь руины. Оказалось, что совсем недавно был пожар. Документы и записи сгорели, детей успели спасти, но куда направили непонятно.

Я помчалась обратно домой, чтобы найти Ирину и потребовать объяснений. Если их не было, то помощи в поисках своей малышки. Но опоздала. Ирина красиво ушла из жизни, наглотавшись таблеток и оставив послание, что это она убила собственного мужа. Я тут же понесла это признание в прокуратуру. Дала новые показания, написала, что меня запугивали. Обещали разобраться. И только вот через год, разобрались.

– Девушка, конечная! – рвет мое воспоминание водитель, и я тороплюсь на улицу. Кутаюсь в шарф, потому что погода резко поменялась и бегу в сторону метро. Уже на нем добираюсь до клиники.

– Спасибо, что подменила, – киваю Нинке, давая обещанную шоколадку.

– Да не за что. Получилось?

– Нет. Даже слушать не стал.

– Ну и козел. Мог бы выслушать, – фыркает она, подавая глаженный халат. – А может связать его? Или вколоть транквилизатор.

– Я думала об этом.

– Вот видишь, у дураков мысли сходятся, – смеется она, снимая свой. – Ладно, вечером увидимся? С меня ужин.

– Спасибо, Ин. Кирюшке привет.

– Ага, пока, – машет она, и я остаюсь одна. Вообще было рискованно рассказывать всю историю хоть одной живой душе, но и держать все в себе было очень сложно. А может мне просто нужно было подтверждение, что я поступила правильно. Нина, двадцати пяти лет, рано ставшая матерью, как никто меня, поняла. Мы познакомились на курсах медсестер, которые я недавно закончила. По документам я совсем сопли и меня никуда не брали. Она договорилась с начальством. Поработав санитаркой меня все – таки сделали медсестрой. Она даже поселила меня у себя. Из-за Ирины я плохо доверяла людям, но Нина показала, что никакого корыстного интереса ко мне не имеет. Разве, что иногда посидеть с ее сыном, пока устраивает свою личную жизнь. В итоге я стала жить с ними, даже учить Кирюху играть на гитаре и помогать учиться.

День проходит быстро, хотя от улыбки, с которой тут заставляют ставить уколы и капельницы, немного болят щеки.

Вечером просматриваю сообщение от «Детство» – организация, которая занимается поиском детей. Я обратилась туда еще год назад, но мне помочь так и не смогли.

Дома мы тихонько ужинаем.

– Он шикарный. Добрый. Нежный. Ласковый. Думаю, даже Кирюшу с ним познакомить, – распинаяется Нина, раскладывая по тарелкам овощное рагу. – Кирилл! Иди есть!

– Ты главное не торопись. Мать, водящая в дом новых му-

жиков, не самое мое приятное воспоминание.

– Я же не вожу. Но этот правда классный.

– А прошлый?

– Ну с тем не повезло. Ты будешь меня жизни учить?

– Нет конечно, просто опытом делюсь.

– Алис, а на гитаре сыграем сегодня?

– Конечно. Если все доешь.

– Отлично, – радуется мальчишка, и я тереблю его светлые волосы. У Эллы тоже такие. Светленькие кудряшки. Кудряшки – это в папу. Я прикрываю глаза, вспоминая взгляд Миши. Столько в нем было ненависти и злости, что холод тут же меня окутывает. Чем он сейчас занимается? Отмечает свое освобождение. Тусит с Глебом. Возможно отрывается после годового воздержания.

Вечером после гитары я ловлю входящий. Удивленно замираю, смотря на номер Кати Стрельцовой. Бывшей жены Миши. Она развелась с ним, как только тот сел в тюрьму и, если не ошибаюсь, вышла замуж за Глеба. По крайней мере судя по ее социальным сетям.

– Алло?

– Привет, Алис. Помнишь меня?

– Дда. Да. Конечно помню.

– Просто подумала, что тебе захочется знать, где сейчас Миша.

– Допустим. А тебе какое дело?

– Как минимум, потому что там мой муж. Я не могу его

забрать, потому что цитирую. Друг страдает.

– Адрес скинь, я приеду.

– Пока, – прощается она, а я встаю с дивана. Меня начинает трясти. Миша пьяный. Значит можно в теории привязать его, а на утро поговорить.

– Нина, мне ехать надо.

– Куда, на ночь глядя?

– Есть шанс с Мишей поговорить. Нельзя упускать.

– Ну в таком случае его надо встретить во всем оружии. Хочешь дам свое черное платье?

– Нет, спасибо. Притворяться я больше не хочу. Только не с Мишей.

– Ну хоть подкрасься. Ты же бледнее бледной.

– В клубе будет лучше мое лицо видно, – надеваю куртку и шапку. До адреса, который скинула Катя придется ехать на метро.

– Удачи, телефон только не выключай. Волнуюсь, чет...

– Буду на связи. Пока, – закрываю дверь и спускаюсь на улицу. А теперь, несмотря на холод, мне жарко. Предстоящая встреча вызывает много разных эмоций. Желание, чтобы выслушал. Жажду ощутить прежние чувства. Но между нами больше не будет любви, я это приняла. Но дочь мы найти обязаны. Он мне должен. И я напомню ему об этом.

Глава 3

Пока еду, раза три звонит Катя.

Но я трубку не беру. Да и что я скажу, что у меня нет денег такси вызвать? Я коплю на детектива. Я была уже в одном агентстве. Нет, вру. Я была во всех агентствах города и нашла самое адекватное по цене и отзываю. Но даже их услуги стоят недешево.

Мне платят нормально, но нужно платить за учебу на вечернем, нужно платить часть за квартиру, да и просто что — то есть. Но остальное я сразу бросаю на счет, чтобы потом отдать этому агентству. Я не уверена, что они помогут, но попытаться стоит.

Поможет ли Миша? Вообще не факт.

Скорее всего, даже узнав всю историю целиком, он включит барана. Просто из принципа. Или не поверит в существование Эллы, или не поверит, что она его. Да и кто поверит, что после одного полового акта, именуемого изнасилованием, можно забеременеть. Еще меньше людей поверит в том, что такое можно простить. А я простила. Просто Миша он... Он не насильник. Он нежный и заботливый, он всего лишь недолюбленный ребенок, один из тех, кто находят себе не очень удачных друзей вроде этого Глеба. Самое главное, что наши чувства были взаимны. До сих пор жалею, что не рассказала ему все сразу. Боялась. Так боялась, что го-

това была рискнуть всем.

Наконец нужная остановка. Спустя несколько улиц пешего бега, я наконец попадаю на Думскую. Самое злачное место Питера. Если вам нужны наркотики и проститутки, то нужно ехать именно сюда. Я только слышала об этой улице, а теперь увидела воочию. Даже не удивлена наличию полиции, которая вскрывает очередной притон. Под шум клаксонов и крики людей я пробираюсь к нужному бару и захожу внутрь. Вид у меня явно неподходящий, так что меня даже пускать не хотят.

– Вы к кому?

– Я на работу устраиваться. Меня ждут.

– Да? – амбал осматривает меня с головы до ног. Знаю, что нравлюсь, даже в таком домашнем прикиде. – Ну проходи. Потом номерок мне оставь, погуляем.

– Ага. Спасибо, – протискиваюсь в самую глубь и сразу к бару. Народу столько, что дышать нечем. Набираю Кате, и она появляется почти сразу.

– Ну и видок.

– Я не развлекаться пришла. Веди.

– Чем занималась? Ну, этот год?

– Училась, работала. Для тебя ничего интересного.

– А я замуж вышла.

– Чем меня очень удивила. Он же изменял тебе.

– Больше не изменит, если конечно не хочет лишиться всех радостей привольной жизни.

– Ну понятно, – иду за ней, пробираюсь сквозь толпу, потом по темному коридору и наконец оказываюсь в випке. Тут уже девочки во всю скачут на коленях Миши. Глеб просто пьет.

– О, какие люди, – меня злит Глеб. Если он такой хороший друг, чего ж не сказал, кто я на самом деле такая. Чего тянул? – Привет, Алиса. Олеся, как там тебя.

– Для тебя Алиса Александровна.

– Все, пойдем, – утаскивает Глеба жена, а я остаюсь одна, напротив девушки, что закрывает обзор мне на Мишу.

– Вон пошла, – смотрю на нее, кидаю ее лифчик.

– Не ты меня нанимала. Не тебе выгонять.

Я даже разговаривать с ней не буду. Просто подхожу и хватаю за волосы. Она орет, пытается вырваться, но я сильнее. Просто вытаскиваю суку за шторку и бросаю на пол.

– Я охрану позову, – орет она, но я уже не слышу. Поворачиваюсь к Мише, который опрокидывает в себя очередную порцию виски.

– Нахуй пошла.

– Это я уже слышала. Хватит пить. Давай поговорим.

– Не о чем нам с тобой разговаривать.

– Да просто послушай меня! – уже ору, забирая у него очередной стакан. Он бросает руку, словно она без костей, смотрит на меня непроницаемым взглядом. Оглядывает как тот амбал, но при этом зная, что под этой одеждой. Мне даже кажется, что во время нашего короткого романа я чаще была

обнаженной, чем в одежде.

– Раздевайся, – шипит он с яростью, встает, напротив.

– Что? Зачем?

– У меня больше года не было секса, как думаешь зачем? – хватает меня за руку, на диван роняет, сверху ложится. Он не пьяный, в его руках столько силы, что я просто устаю отбиваться. Он дергает штаны вниз, но я бью его по лицу.

– Миша! У нас дочь есть...

– Что – то по фигуре не заметно, что ты родила. Еще более костлявой стала, – задирает он кофту с майкой, в соски до боли вгрызается, на удары по спине даже не реагирует. – Миша! Не будь таким. Я правду говорю!

– Я должен тебе поверить? Тебе, которая меня в тюрьму посадила? Либо давай трахаться, либо выметайся...

Часто дышит надо мной, взглядом насквозь прожигает.

Весь мир замирает.

Дыхание становится порывистым.

Я поговорить пришла, сказать ему правду, но в голове шум, а перед глазами пелена. Все тело ею стягивает, как дымом. Глушит разум, не дает пошевелиться.

Даже, когда он окончательно скидывает с меня кофту с майкой и в губы врезается. Грубо, жестоко, наказывая. Его руки как плети, причиняют боль. Но даже эта боль от него сродни наслаждению.

Тело отвечает, разум молчит. Внутренний голос шепчет: «один разок».

Как часто, лежа на своем промятом диване, я вспоминала его ласки, его член внутри себя. Сколько раз я ласкала себя и не могла кончить. Сотни ночей без него с одними лишь только воспоминаниями. Сладкими, порочными, порой неправильными.

Сама тороплюсь его раздеть. Чиркнуть ширинкой, обхватить твердый член ладошкой, с удовольствием услышать протяжный стон.

Он хочет меня.

Ненавидит, но хочет.

– Сука, – шипит он в губы, расплющивает грудь ладонью, сжимает, соски мучает. Шею прикусывает. Я лишь скольжу по члену вверх-вниз, не веря, что все это наяву происходит. Что мы снова вместе, хоть на этот короткий порочный миг. – Убить тебя мало.

Он втягивает один сосок в рот, другой пальцами оттягивает до сладкой боли. Я лишь выгибаюсь в его руках, ноги шире раздвигаю, чувствую, как задница скользит на смазке по кожаному дивану. Миша поднимается к губам, прикусывает, в глаза смотрит, устраиваясь между ног поудобнее. Тычется головкой между скользких складок, раздвигает их, готовый проникнуть до упора.

– Вот они! Посмотрите, развели тут блядство! – кричит та девка, которую я выкинула. Реально за охраной пошла?

Дрянь. Немного же осталось!

Миша тут же подскакивает, ширинку застегивает, бросает мне в лицо кофту.

– Мы уже уходим, – кидает он на стол несколько крупных купюр. – Давай живее. Ты вроде поговорить хотела.

Глава 4

Спешно натягиваю штаны с трусами, майку и футболку. Спешу на выход. Миша вроде идет вперед, делая вид, что не ждет меня, но каждый раз прибавляя шаг, притормаживает. А когда меня случайно сбивают, выругивается и оборачивается.

– Можно побыстрее! – толкает он парня, дергает меня за локоть и за собой тащит.

– Да не могу я так быстро! – уже ору, когда на улице оказываемся.

– А мне плевать, что ты можешь. Это ты меня искала, а не я тебя, – рывкает он и убирает руку.

Шагает к машине. Своему БМВ. Он что, за руль собрался?

– Ты же не сядешь пьяным за руль?

– Ты поговорить пришла или учить меня жизни?

– Поговорить. Давай сядем в машину.

– Не, я там усну. Говори тут, – сводит он руки на груди, опираясь на машину. Смотрит на меня исподлобья. Красивая сволочь. Даже без волос своих.

Я до сих в себя прийти не могу. Пять минут назад он почти был во мне, а сейчас мы стоим друг на против друга как бойцовские собаки. И как ему сказать? Хотя, как говорят, лучшая защита – нападение.

– Ты мне извинения должен.

Он сводит брови. Хмурится.

– Не понял. Я? Тебе?

– Да.

– Ты не попутала ничего? Это за что? За то, что влюбился?

Прости, дебилom был. Сразу не разглядел, какая ты сука.

Я головой качаю.

– Ты обещал извиниться перед Олесею Васнецовой.

Он втягивает носом воздух, напрягаясь всем телом.

– Это тут причем?

– Я Олеся Васнецова. Извиняйся.

Он как с цепи срывается. Подлетает ко мне в одно движение и за горло хватает.

– То есть, я тебе дряни душу открываю, а ты решаешь это использовать? В очередной раз набить меня?

– Нет... Это правда.

– Что. Тебе. Нужно? Не все у меня забрала? Не добила цели?

– Тогда зачем я бы принесла показания Ирины?! Зачем бы изменила свои?!

– Что ты несешь?! Меня отец Глеба вытащил! Ты тут причем?!

– Какой же ты тупой придурок! – впиваюсь в его руку ногтями, чувствую, как от нехватки воздуха задыхаться начинаю. – Открой глаза!

– Я лучше их закрою и тебя больше не увижу. Нахуй ты сказала про Олеся?

– Потому что я она и есть. Потому что, когда ты меня изнасиловал, я забеременела. Потому что, когда я родила, мне сказали, что дочь мертва. «Потому что, когда тебя закрыли, мне за ложные показания обещали ее вернуть», – говорю на одном дыхании, чувствуя, как его рука на шее дрожать начинает.

– Ты сериалов обсмотрелась? Что за бред? Васнецова была длинная жердь с кривыми ногами и лошадиными зубами. А ты...

– А я?

– А ты кукла. Бесчувственная и порочная. Лживая сука, способная использовать чувства против мужика. Мне вот интересно, ты отцу реально сопротивлялась, или уже трахала его?

– Миш, – хватаю его двумя руками. У него уже крыша едет. – Детский дом, в котором была дочка, сгорел. Я не могу ее найти, мне нужна твоя помощь. Помоги найти Эллу, и я больше никогда тебя не побеспокою. Трахай шлюх, катайся пьяным, гробь себя. Но потом...

– Эллу?

– Да, я так ее назвала.

– Алис, ты не можешь быть Олесей. Это полная дичь.

– Зачем мне тебе врать. Теперь...

– Да откуда я знаю! – орет он и толкает меня. – А зачем вы с матерью подстроили убийство моего отца и меня посадили?

– Это долгая история.

– Отлично, расскажи ее.

– Помоги найти Эллу, и я сделаю все, что ты захочешь.

– Сдохнешь? – убивает меня, одним словом. – Давай?

Я тебе помогаю тебе твоего ребенка найти, а ты убиваешь себя.

– Почему? – только и шепчу, чувствуя, как слезы градом. Губы соленые облизываю. – Почему ты хочешь моей смерти?

– Потому что отравляешь мою жизнь, потому что больно воздухом с тобой одним дышать, – дергает меня за кофту, натягивая ее до предела, почти в губы рычит. – Потому что ты сука в любви мне клялась, а потом предала. И знаешь, что самое смешное, я снова готов тебе поверить. Ебануться. Размазня. Знаешь, что ты со мной сделала, душу мне вернула. Наизнанку блядь. Я думал, все думал, что нельзя так притворяться, не ну могла ты так искусно играть в любовь. Ты же блядь девственницей была. А сейчас что получается? Ты та страшила, которую я поимел, а значит реально пришла мстить мне? Значит не было никакой Алисы, только долбанная картинка, иллюзия? Отвечай! Как ты оказалась девственницей после всего? После родов, о которых ты мне говоришь? Ну?!

– Меня зашили, чтобы ты...

– Влюбился и убил ради тебя?

– Да.

– Да блядь! – отпускает меня резко, и я чуть не падаю.

Он со всей дури бьет в машину. Потом садится в нее. – Хватит мне врать!!

– Миш...

– Ты хотела поговорить, я выслушал. Что – то еще?

– Отвези меня домой, – прошу тихо, понимая, что разговаривать с ним сейчас бесполезно. Он не поймет. Не простит. Не поможет. Может позже? Может все же после секса?

– Садись. Но молчи, если не хочешь, чтобы я нас не угробил.

Глава 5

Обхожу машину и падаю на переднее сидение. Пристегиваюсь, когда он стартует с места. Едет быстро, руль с силой сжимает. Отвожу взгляд от его разбитых в кровь пальцев. Синяки свежие, словно он дрался на днях.

– Адрес. Или мне тебя к себе везти?

«– Нет, нет конечно», – говорю адрес дома Инны.

– Трудно было в тюрьме? – не могу не спросить. Пожалеть его охота. Раны обработать.

– Не надейся, меня не смогли убить и даже ни разу не изнасиловали.

– Я этого не хотела.

– Значит хотела твоя мать.

– Она не моя мать... Моя мать...

– Не выноси мне мозг! Он и так у меня от твоей лжи взорвется скоро, – он набирает скорость, а светофоры словно по волшебству пылают зеленым огнем, давая ему возможность беспрепятственного проезда. Скорость дикая, но внутри все пылает от адреналина, что плещется внутри. Не сразу понимаю, что уже приехали. Как – то слишком быстро. Сердце все еще скачет по грудной клетке, а я сижу на месте, хотя пора бы уже выходить.

– Кончала то хоть по-настоящему? – вдруг спрашивает он, роняя руку мне на бедро. По телу тут же пускают ток, а я

пальцы накрывают напряжённую ладонь Миши.

– Конечно. Все было по-настоящему.

– Пиздишь, как дышишь, – шипит он и дергает бедро на себя. Хватается за резинку брюк, на себя тянет.

– Миша, что ты...

– Рот лучше закрой, – сдёргивает штаны и меня на себя поднимает. Во дворе дома, кто угодно увидеть может. Но эта мысль сгорает в пламени, который охватывает тело, стоит его грубым губам мои захватить. Просто растоптать в порыве злой страсти. Его пальцы во мне, сильно растягивают, причиняя боль.

– Больно, – хочу слезть с него, но он прикусывает шею, дергая пальцами внутри активнее.

– Ты же говорила, что готова на все? Или опять пиздешь? А?

– Нет, – стискиваю зубы и упираюсь лбом в его шею Господи, он так близко, его запах поражает нервные окончания не дает возможности поразмышлять. Попытаться выбраться из западни.

Прелюдии не будет, это ясно, как и тот факт, что Миша не воспринял мой рассказ всерьёз, слишком много неизвестных в этом уравнении. Пальцы почти сразу заменяют член. Вталкивается силой, не заботясь о моем комфорте. Я переживу это. Переживу, если только он поможет. Если только поймет. Если сделает то, что обещал и извинится. Несколько быстрых движений, царапающих влагалище, несколько

рывков прямо в мою шею, несколько грубых «Ненавижу, сукаааа». Я не успеваю кончить, а он сдергивает меня с члена и толкает лицо к нему. Кончает на лицо. Тянет за волосы, рассматривая, как стекает его сперма.

– Даже не знаю, какой чаще я тебя представлял. Мертвой или обконченной.

Мне даже не верится, что он так говорит. После всего, что я рассказала.

– Миш, ты меня хоть услышал? – почти реву, стирая с лица липкую субстанцию, чувствуя на языке ее вкус.

– Думаешь я тебе поверил? – усмехается он. – Вы же с Ириной так и не получили деньги? Может ты опять хочешь меня развести на бабки?

Рука дергается сама. Пощёчина оглушает тесное пространство.

– Подавись своими деньгами! – бью его снова, жду что ответит, что причинит еще большую боль, но он только снимает с дверей блокировку.

– Красиво играешь, но больше веры тебе нет. Пошла вон.

– Знаешь, я тоже получается придумала себе Мишу. Того Мишу, который умеет любить, умеет за слова свои отвечать. А ты как был тупорылым мажором, таким и остался.

– Ты оглохла! Вон пошла, пока я тебя не выкинул!

Я вылезаю на улицу, дверью хлопаю со всей дури.

– По голове себе постучи, дура!

– Когда я найду Эллу, только попробуй заявить на нее

свои права! У тебя был шанс стать человеком, но ты его про-
срал, урод!

Он блокирует двери и уезжает, свистнув шинами, а я
обнимаю себя, ощущая абсолютно беспомощной. Ублюдок.
Ну ничего. Сама справлюсь. Всю жизнь на это потрачу,
но найду дочь. Без него!

Глава 6

– Алиса, вы сегодня поздно. А вечерние занятия?

– Пришлось пропустить Демид Ахметович, но я наверстаю. Спасибо за беспокойство, – хотя на хрен мне не удалось беспокойство мужика, который имея семью, трахает всех своих врачей.

Нет, это конечно может быть слухами, но Нина рассказала, как уговорила его меня на работу взять. Нет, я никого не осуждаю, сама далека не невинная девочка, но и внимание его на себе ощущать не хочу.

– Может тебя довезти?

– Не стоит, да и работа у меня еще, – прощаюсь я с ним, оставаясь одна в процедурной. Раскладываю все по местам. Хочу уже одеться, уйти домой и как обычно погрузиться в пучину безнадеги.

Нет, я конечно сказала, что мне не нужна его помощь, но я все же ждала, что Миша придет за подробностями.

Но уже третий день и моя надежда тает с каждой минутой. А самое главное я загружаю себя работой по полной, чтобы не думать о том, как легко я упала в его объятия, как мне нравилось ощущать его внутри. Хотелось дать по голове самой себе за эти неуместные желания. Еще сильнее хотелось все повторить.

– Алис, – заглядывает администратор Лена. – Там парень

за уколом пришел. Знаю, что ты уже заканчиваешь. Но может...

– Ничего, я еще даже не переоделась, – закрываю шкаф, хочу узнать, какая инъекция, но Лена уже прикрыла двери. Ладно, в электронном журнале все равно должно быть записано.

Сажусь за компьютер и открываю журнал, когда слышу характерный звук.

«– Проходите, садитесь, пожалуйста», – говорю, не глядя, и вдруг слышу щелчок замка. Поворачиваю голову и вскакиваю так резко, что падает стул.

– Миша? Зачем... То есть... Какая инъекция тебе нужна? – сложно быть хладнокровной, когда мы наедине в таком тесном пространстве, когда он смотрит так, словно уже поджигает столб, к которому я привязана.

– От желания тебя выебать. Есть такая? – говорит он с усмешкой, снимая с себя рубашку. Это уже не смешно. Сердце разрывается, перед глазами пелена.

– Лечится обильными питьем и звонком к шлюхам, – почти хриплю, прижимаясь задницей к столу, словно это спасти меня может. Глохну, слепну, почти не дышу. Но я могу сопротивляться. Я же буду сопротивляться?

– Напивался я и так знатно, не помогает. А зачем мне платить каким – то шлюхам, когда есть самая лучшая? Скажи, Алис, а тебя специально обучали для меня. Сколько мужиков прошло через твою дырку, прежде чем тебя по твоим же

словам зашили. Сколько членов ты сосала?

Он уже так близко, опалает дыханием, а моя рука на автомате поднимается. Обжигает его щеку. Он даже не дергается. Ему вообще нипочём мои удары. Они сыплются на него градом, но он лишь обхватывает мою шею и толкает на кушетку.

– Перестань! Я на работе! Меня уволят!

– А ты води себя потише, – задирает он край халата, скользя пальцами по обнадёженному бедру. – Медсестричка. Я все равно тебя трахну, Алис.

– Лена услышит. Мы долго.

– Если мы бы не болтали, то уже давно бы трахались. Мне много не надо. Просто вставить в твою лживую пизду, – стягивает он трусики и утыкается кончиками пальцев в мою киску. Я кусаю в кровь губу, понимая, что не хочу сопротивляться. Даже разум молчит, не пытаюсь воевать с сердцем. А тело так и вовсе выгибается, стоит ему проникнуть фалангами чуть глубже. – Бляя. Ты же течешь как сука...

Он упирается лбом мне в спину, я дергаюсь.

– Миш, давай быстрее. Мне правда нужна эта работа.

Он усмехается, шлепает меня по заднице, большим пальцем болезненно проталкиваясь в анус. Я ахаю, роняю голову на кушетку, зажимая рот кулаком. Тут же слышу щелчок пряжки, а я потом напрягаюсь всем телом, когда складочек касается гладкая поверхность головки. Она скользит внутрь, не встречая сопротивления.

– Алиса, дрянь, отравила меня.

– Замолчи, – чувствую руку на своей голове. Он поворачивает к себе мое лицо, вцепляясь злым взглядом. Втягивает носом воздух, а потом одним сильным толчком выбивает мой. Я ахаю, чувствуя себя до краев заполненной. Никакого алкоголя, никаких эмоций, голый, быстрый секс. Резкие шлепки и натянутые нервы. Он трахает пальцем мою попку, удерживая словно крюком и натягивает на свой член. Еще пара десятков шумных фрикций, которые заканчиваются моим болезненным оргазмом и спермой, которая теперь стекает по склону задницы, заполнившей меня изнутри.

А потом все вдруг заканчивается. Миша просто застёгивает ширинку, рубашку и ничего не сказав, уходит. Оставляет меня одну, вариться в собственном стыде и позоре. Спасибо, хоть дверь прикрыл.

Я на ватных ногах, пытаюсь подняться, привести себя в порядок, чувствуя себя как никогда грязной. Он уже второй раз просто берет свое, а я просто отдаю ему, не имея шансов на простое и категоричное «нет».

Кем он меня после этого считает. Развязной сукой? Шлюхой, не имеющей морали? Вряд ли осознает силу моих к нему чувств и как они губят нас обоих. Самое страшное, что я не смогла бы изменить свой поступок год назад, я даже не уверена, что захотела бы.

Отчитываюсь Лене, что все сделала, наконец закрываю кабинет и выхожу на улицу, кутаясь в тонкое пальто. Ветром взлохмачивает волосы, закрывая обзор, но я все равно вижу

силуэт на фоне черной машины. Что ему нужно? Разве он не получил то, за чем пришел.

Я кусаю губу от обиды и хочу пройти мимо. Просто иду по направлению к метро. Но ощущаю непозволительное удовольствие, когда он нагоняет меня.

– Ты же видела, что жду.

– А мне плевать.!

– Да что ты? А разве ты трахнулась со мной не ради того, чтобы я тебя выслушал? Разве не так поступают шлюхи?

– Заткнись! Ты ничего обо мне не знаешь! И не хочешь знать!

– Хочу, пошли говорю в машину. Ты в этой тряпке с пневмонией скоро ляжешь.

– Да ты будешь только рад, если я сдохну! Отпусти, говорю!

– Херню не пори. Если уж я и хочу твоей смерти, то только затрахать тебя до смерти.

– Отпусти!

– Прекрати быть душой! Я трезв, я удовлетворён, я готов тебя слушать!

Глава 7

– Я тебе все сказала! Ты меня обманщицей назвал!

– Тяжеловато тебе верить, учитывая, что произошло. Да и Глеб утверждает, что ты лживая сука.

– Ну и слушай дальше своего Глеба! – ну вот чего упрямялюсь, но и так просто пойти с ним не могу. А если он опять приставать начнет. А если я опять «нет» не смогу ответить.

– Да как же ты достала! – гаркает он, запрокидывая меня на плечо. Бью его по спине, но бесполезно. Он просто открывает дверь машины и сваливает меня как мешок на соседнее сидение.

Садится рядом, блокируя двери. Поправляю одежду, чувствуя, как внутри тела плещутся остатки возбуждения, а ноги дрожат от пережитого оргазма. Он закуривает, протягивает сигарету мне. Я не курила уже год, но сейчас это кажется разумным.

– А есть электронные?

– Да, в бардачке одноразки возьми...

Беру, срываю этикетку, затягиваясь сладким дымом. Вкусно, но особо успокоения не приносит.

Миша молчит, смотрит прямо, по рулю постукивая. Да и мне говорить не хочется. За три дня работы почти без сна я уже живу на автомате.

– Год назад на тебе было больше мяса, – обжигает мой

профиль взглядом, обволакивает ментоловым дымом.

– Год был трудным. А что, не нравлюсь? – поворачиваю голову, смотря с вызовом.

– Хуйню порешь. Но пожрать все равно надо.

– Я не хочу.

– Значит я буду заталкивать в тебя еду, – выбрасывает он окурок в открытое окно и заводит машину. Мы едем по ночному городу молча, слушая какой – то незатейливый трек. Он довозит меня до ресторана, где мы ели в тот день, когда я появилась в его жизни. До сих пор не по себе от того, как я себя вела и что говорила. Пыталась играть роковую девку, чтобы подцепить его. А в итоге стоило стать собой, и он влюбился в меня.

– Символично.

– Согласен. Пойдем. Расскажешь все. На пустые яйца и полный желудок я добрее.

– Я помню, – выхожу из машины и иду за ним. Смотрю на прямую напряжённую спину. Он действительно готов слушать, он действительно готов поверить? Так и хочется спросить, где подвох.

Нас усаживают у окна на втором этаже, место уединённое, да еще и шторкой занавешивают. Уютнее, чем в первый раз, когда его еще живой отец и моя лже-мать нас друг другу представляли.

– С чего мне начать?

– С заказа. Принесите два прожаренных стейка, картошку

молодую, салат. Только без лука. Мы его терпеть не можем.
И выпить.

– Ты за рулем.

– Не лечи меня. Все.

– Что – то на десерт?

– Да, мне медовик, ей морковный.

Официант уходит, а я Миша поднимет на меня взгляд.

– Никогда не понимал, чем тебе этот торт может нравиться, – эта отвлеченная тема расслабляет. Словно мы снова на острове, словно между нами идиллия. Только тогда над нами постоянно висел меч, однажды перерезавший нашу связь. Глупо надеяться, что, когда-нибудь мы снова сможем быть такими счастливыми и беззаботными.

– Это, наверное, некая иллюзия полезности. Он же с морковкой.

– Ну да, по части иллюзий ты мастер. Давай так, Алис, я хочу правду. Всю. От начала до конца.

– А ты реально ее готов слышать или опять будешь орать, что я все придумала.

– Ну Глеб и его отец утверждают, что ты врешь, а реальная Олеся Васнецова, студентка медицинского университета, погибла в аварии два года назад. В Москве.

Ого...

Я выпрямляю спину, откидываясь на спинку. Страшно, как люди умеют все подстраивать.

– Я лишь надеюсь, что они не подстроили аварию, чтобы

реально похоронить некую студентку медицинского.

– Я на самом деле тоже. Помнишь гримзу Олейникову? – вдруг спрашивает он, чуть прищуриваясь.

– Географичку? Она еще плевалась, когда что – то яростно доказывала.

Миша выдыхает, чуть наклоняясь ко мне.

– И почему ты вечно сидела на первой парте? Не противно было?

– А у меня очки же были. С толстыми стеклами. Считаю, как подводные.

Миша вдруг заливается смехом. Смеётся долго, красиво, вызывая у меня невольную улыбку.

– Охереть. Ты Олеся.

– Алиса. Уже давно.

– Ладно, ладно. Блядь, да как так вышло. Ты тогда расспрашивала про износ, я и подумать не мог.

– А мне хотелось, чтобы ты тогда догадался. Я так боялась говорить тебе правду.

– Надо было сказать, – пинает он меня по ноге под столом, а я в ответ. Не сильно. До болезненного мило.

– Надо было.

Он запорокидывает замок из рук за голову, часто и шумно дыша. Смотрит на меня не открываясь.

– Прости меня, Олеся Васнецова.

– Давно простила, Миша Хворостов.

Глава 8

Миша

Жизнь сделала крутое пике. Совсем недавно я был беззаботным мажором, которому все было до пизды. А тут уже бывший зэк, получивший в наследство убыточную компанию и ненависть к одной лживой девчонке. В тюрьме... Пиздец сначала.

Первое время понять не мог, как, как блядь девочка, которая признавалась мне в любви, готовая жить без роскоши, так просто меня предала.

По щелчку пальцев. Думал, убью.

Просто согну те долбанные решетки в зале суда, наброшусь и раздавлю. За чувства, что испытал. За будущее, которое отобрала.

Попал в тюрьму и думал жизнь закончится. Либо петухом сделают, либо в драке прирежут.

Но оказалось, что в тюрьме последние дни досиживал отец Глеба. Роман.

Мы никогда особо не общались, хотя раньше он частенько был гостем в нашем доме.

Они с моим отцом были партнерами. Но потом что – то пошло не так. По словам отца, Роман предал его, за что и сел в тюрьму на несколько лет.

Но послушав версию Романа, я понял, что мой отец не был

святым. Да я всегда это понимал, просто принимал как данность его поведение. Не мог послушаться.

Отец Глеба ввел меня в верхушку на зоне, я не только смог остаться целым, но и приобрел некий авторитет после его ухода. Ну или его иллюзию. После Алисы я на все стал смотреть через призму черных очков, никому не мог довериться полностью. Когда вышел Роман, он частенько навещал меня. Как собственно и Глеб. Этот даже попросил разрешения жениться на Кате, словно я мог быть против.

За этот год я много раз представлял, как убиваю Алису, которая даже не пришла ко мне ни разу.

Я ждал, блядь, как я ждал, чтобы она хоть раз пришла и все объяснила, находил ей тысячу оправданий и с каждым ненавидел все больше. Но еще чаще представлял, как трахаю. В темноте камере, под храп других закрывал глаза, брал в руки член и дробил до потери сознания, представляя, как она берет в рот или скачет на мне. Иногда до ручки доходил, был уверен, что это именно она заходит в камеру, раздевается и ложится рядом, готовая разделить со мной мою печаль.

Когда она пришла ко мне после освобождения, я охуел, если честно. Глеб сказал, что она давно живет с кем – то. Что даже не пытается с ним связаться, спросить про меня. Ее появление как молот по голове. Задушить хотелось дико, узнать, как жила еще больше. Но безопаснее было просто послать подальше.

Когда в клуб пришла, удивила еще сильнее. Какого черта ей надо? И почему так просто на ласки отзывается. Чего хочет? На что рассчитывает? Новый обман?

А когда информацию вывалила, думал взорвусь. И хватило же у нее наглости все это придумать. Про дочь. Какая у нас может быть дочь?

Иногда я думал, что может она беременна, что может все из-за ребенка, но фотографии ее худого тела давали понять, что ничего подобного не произошло.

После разговора с ней я сразу отправился к Глебу, просто узнать насчет ее излияний. Он заржал, напомнил, что Олеся была уродиной пострашнее атомной войны. Да и вообще она давно на том свете. Даже статью в газете показал. Я поверил. Потому что Глебу нет резона меня обманывать.

Потом два дня тусил в офисе с отцом Глеба, который принял на себя управление компанией. Он вводил меня в совет, давал указания, помогал, как мог.

Я почти не спал, работал.

Может просто, чтобы забыть про все ее лживые речи. Но все же узнал у Глеба, почему в клубе он назвал ее Олесей. Он отрицал.

Утверждал, что Алиса и Олеся созвучные имена. Может в голове чего от паленки помутилось.

Это, а может желание оправдать Алису заставило меня прийти в тюрьму как посетителю. Заплатить денег дежурному и просмотреть журнал посещений. Я листал долго, почти

три часа, но наконец наткнулся на имя. Алиса. Меня как токомшибануло. Молнией прямо в башку. Она приходила? Почему я об этом не знаю. Я устроился поудобнее и стал листать дальше. Она приходила каждую субботу. Каждую субботу она была здесь в восемь утра, а я никогда не знал.

Я закрыл глаза и восстанавливал в уме каждую субботу. В пятницу всегда была драка, в которой приходилось участвовать, а потом одиночка на все выходные. Может кто — то не любил ее, а мне нравилось быть одному, фантазировать о том, чтобы я делал с Алисой, окажись она рядом. Иногда даже разговаривал с ней, покрывая трехэтажным матом.

Иногда в субботы приходилось тусить в медчасти. Помогать врачам. Сам вызывался, если предлагали.

Но мне ведь все равно должны были сообщать, верно? Даже дежурный подтверждал. Что если заключенный занят, ему все равно приходит сообщение, что к нему приходили.

Что за херня.

Ехать к Глебу, все будет отрицать. А если замешан его отец, то тем более. Более чем уверен, что стоит мне упомянуть это, как я случайно попаду под машину, а завтра нихера не вспомню.

А Алиса. Если все, что она говорила, было правдой? Что если, это реально Олеся Васнецова из далекого прошлого. Я нашел ее и поехал в клинику. Думал просто поговорим, а увидел и понесло. Отказаться от возможности получить ее тело я просто не способен. Это нереально. Пожалуй,

как и тот факт, что она вполне себе спокойно сидит напротив и уплетает за обе щеки свой стейк.

– Пока в тюрьме сидел, мечтал о мясе, – доедаю последний кусок и вытираю рот салфеткой.

– Только о нем?

О тебе еще, но говорить этого не стану.

– О мягкой постели. Хотя так и не спал после выхода. Пару часов в машине не считаются. Ладно, начинай что ли...

Глава 9

Алиса мнется, словно врать собирается. Это злит. Неужели выдумывать будет? С другой стороны, про географичку она сказала, откуда бы ей знать подробные подробности.

«— После изнасилования», — говорит тихо, вертя в руках нож, я просто его отбираю. — В общем я сразу пошла в полицию. Я еще верила в справедливость и считала, что ты должен сесть.

— Меня реально посадили.

— Когда я была в полиции, пришел отчим. Ну мужик, с которым жила моя мама.

— Ирина?

— Ты будешь слушать?

— Ладно, — откидываюсь в кресле.

— Пришел Виктор и начал мне объяснять, что такие люди все равно не сядут и заявление нужно забрать.

— Но ты встала в позу. Ну что? Васнецова всегда была упрямой овцой, уж извини.

— Не извиню. Мне кажется поруганная честь меня несколько извиняет, как думаешь?

— Согласен. Прости. Давай дальше.

— А дальше я поехала в больницу, сняла побои и поехала домой. Дома приняла душ, а когда вышла Виктор, он... Он начал мне угрожать, а потом попытался изнасиловать.

Он давно ждал повода, приставал, если матери дома не было. В общем мать появилась не вовремя, он ее толкнул, и она...

Она роняет лицо на стол, а я успеваю подставить руку, чтобы она не ударилась. Мысли начинают гложуть, эмоции берут вверх.

– Что с мамой?

– Она ударилась об угол. Виктор начал орать, что это я виновата, а у меня в голове что – то помутилось. Я взяла нож и в общем.

– Ты убила его? – Охуеть. Хотя за мать я бы тоже убил.

– Я только раз ударила, но он заорал, что это не убьет его и начал сам моей рукой наносить себе удары. Господи, крови было столько, что я не могла понять ничего, просто как тряпка позволяла ему собой управлять, пока он не упал. Я сразу позвонила в скорую, все рассказала. Приехала полиция, меня забрали. Он умер в больнице. А меня...

Я сижу как пришибленный. Такую историю даже самый отбитый писатель бы не смог придумать, а тут девчонка.

– Алис, ты сидела в тюрьме? – хрипом доносится до моих ушей собственный голос. Она кивает. – За убийство?

– Ну я же убила...

– Ты... – слов нет. Я встаю, понимаю, что горло стягивает непонятной обидой за маленькую девочку, которая просто оказалась под прессом обстоятельств. – Ты, наверное, ненавидела меня.

– О, конечно. Ты был началом всех бед. Я хожу из угла

в угол нашего уединенного пространства, а потом просто сажусь рядом, опускаю голову ей на колени. Смотреть не могу на нее. Просто сил нет. Ощущение, что это все со мной происходило.

– Может прервемся?

– Ночь длинная, давай дальше.

Глава 10

Рассказать. Как будто это так просто. Абстрагироваться, сделать вид, что все это происходило с кем – то другим. Что не было страха, боли, ужаса, отвращения ко всему живому, дикое, неконтролируемое желание умереть. Отречься от той девочки, что страдала за стальными решетками, надеясь на чудо. Рассказывать, словно зачитывать заголовки бульварных журналов.

Дочь убийцы стала убийцей!

Это была бы сенсация. Я не знаю собственного отца, помню урывками, как брал на руки, как кидал в воздух и покупал сладкую вату. Еще помню слезы матери, когда к нам приехали офицеры тогда еще милиции. Я пряталась за дверью и слушала вопросы о том, как часто папа у нас бывает. Даже обыск они проводили, это я точно помню. В итоге отец, который и так не слишком часто у нас появлялся, перестал существовать даже номинально. Иногда я думаю, что мама приводила мужчин, потому что я постоянно спрашивала, где папа, почему он перестал приходить и приносить разные красивые вещи. Где теперь те вещи, а где папа. Я даже не знаю, как его зовут, в моем свидетельстве стоял прочерк. Впрочем, в нынешнем такая же ситуация. Может быть поэтому я так жадно хочу, чтобы Миша мне поверил, потому что хочу, чтобы у моей дочери был отец.

Я глажу голову Миши, что покоится на моих коленях.

– Алис...

Смотреть ему в глаза нереально, так что я просто их закрываю. Представляю, что мы снова на пляже Бали, держимся за руки. Нужно было тогда все рассказать, просто смотреть на океан и говорить, говорить, говорить.

– В тюрьме мне тоже не хватало мяса. А еще материнских рук. Она конечно последнее время была помешана на моем отчине, но не забывала про меня. Обнимала часто, защищала, когда отчим напал.

– Я бы хотел сам его убить. Не пожалел бы пули, – глухо хрипит Миша мне в колени. Рычит, не поднимая головы, сжимает мои бедра сильными пальцами, запуская процесс эротического разрушения, словно напоминая телу, на что оно способно.

– И снова сел бы. За него уже я отсидела.

Как бы я поступила сейчас? Была бы такой импульсивной. Или это во мне кровь отца говорит... В какой – то момент я просто перестала о нем спрашивать, потому что каждый раз слышала только одно. Отец сидит за убийство. Но зато было понятно, откуда у мамы деньги на мою учебу в лучшей гимназии Питера. Очевидно убийца был с деньгами. Платил за мою учебу, но так ни разу не захотел увидеть дочь.

Он поднимает голову, я опускаю. Наши взгляды сталкиваются в молчаливой битве. Огонь загорается, а его руки скользят выше.

– Мне сложно представить тебя на своем месте.

– Это уже в прошлом. На самом деле, если вспомнить, было все очень даже неплохо, особенно когда забеременела.

Он шумно выдыхает.

– С одного раза? Так вообще бывает?

– Бывает. Но прежде, чем узнать о беременности, я встретила Ирину.

– Твою подставную маму?

– Да. Она уже знала мою историю, выудила подробности и предложила свой дикий план.

Миша напрягается, но внимательно слушает, даже не пытаясь задавать вопросов.

– За что она сидела?

– За убийство. Подробности я не знаю. Я вообще мало знала о ней. Но она помогала.

– Ты согласилась?

– Нет! Господи, я конечно была на тебя зла и обижена, но ее план казался мне полной чушью. Мне было сложно поверить в то, что ты в меня можешь влюбиться. Ирина оставила меня в покое, потом стала почти лучшей подругой, потом помогала рожать...

– Почему ты не сделала... Блин, – он проводит рукой по лицу.

– Аборт? Я частенько думала о смерти. О том, что мне жить незачем. А потом эта беременность. Я вспоминала твое лицо и решила, что малышка у нас будет самой красивой.

– Дальше, – жадно произносит Миша, словно задыхается.

– А дальше я родила, только взяла ее на руки и мне почти сразу сказали, что она умерла.

– Что?!

– Да, во мне тогда что – то сломалось. Я потеряла последнее родное существо. Ирина все жужжала, что это из-за вас. Рядом была, поддерживала, играла роль настоящей матери. И я согласилась участвовать в ее фарсе.

– Постой, – Миша выпивает залпом воду, что ему принесли, зарывается в волосы и опускает голову. Часто дышит, словно ему плохо. А мне наоборот хорошо. Неужели просто выговориться нужно было. Да, я говорила с Ниной, но без подробностей. Да и не к чему они ей были. А Мише нужны. Все самые грязные подробности. Ощущение такое, словно груз, который тянула столько лет, ему передаю. Пусть делает с ним, что хочет, а мне надо Эллу искать.

– Значит Ирина тебя готовила?

– Да, брекеты сняли, волосы покрасили, пришлось поучиться манерам и вообще заняться собой, мясца нарастить. Если честно, боялась, что ты меня узнаешь, но оказывается ты настолько был заиклен на себе, что не сопоставил лицо Олеси и мое...

– Стоп, Алис. Ты говорила, что тебе нужна помощь...

– Мы сразу к главному, ну ладно. Перед тем, как начать давать показания, Ирина сообщила, что Элла жива.

Миша сидит как пришибленный, да это и понятно, столь-

ко информации не каждый вынесет.

– Ты видела ее?

– Только на фотографии, – протягиваю ему телефон, где малышка стоит на главном экране. Тут ей примерно два года. Может больше, я не знаю. Есть еще свидетельство...

– Ты поэтому не дала показания? Ну то есть соврала...

– Да. Представляешь мой шок, когда я приехала в детский дом, где она должна была быть, а вместо него руины. Он сгорел за несколько недель до моего приезда. Документы тоже. Детей спасли и теперь мне нужно найти мою дочку.

– Нашу дочку.

От его слов на душе словно цветы распустились. Холод и страх, что окутывали тело, отпустили, а я спрятала глаза и улыбнулась. Нашу дочку. Он мне поверил, просто поверил!

– Почему ты не написала мне?

Я поднимаю голову так резко, что у меня шея хрустит. В смысле?!

– Я писала! И приходила! Постоянно!

– Еще и писала, серьезно?

– Да, сначала каждую неделю, потом каждый месяц. Содержание писем всегда было примерно одно и то же. Но часто были и подробности того, что я только что тебе рассказала.

Миша поднимается из-за стола. Его лицо каменеет, и я не знаю, чего о него ждать.

– О твоих посещениях мне не сообщали.

– О том, что выпустили, благодаря письму Ирины тоже?

– Меня убедили... да пиздец, меня даже убеждать не пришлось. Слушай, я реально выгляжу таким лохом.

Даже жалко его становится на этом фоне. Я встаю тоже, подхожу ближе. Мы тут одни, скрытые этой плотной занавеской.

– Ты не лох, просто ведомый, – касаюсь его напряженной спины, чувствуя твердость мышц и пульсацию от сердцебиения. – Только поэтому Ирина считала, что ты сможешь в меня влюбиться.

Миша тянет руки, хватает мои и подтаскивает к себе ближе. Обнимает себя моими руками, вынуждая упереться носом в ткань его рубашки. Запах одуряющий, а пальцы сами комкают ее на груди.

– Ощущение, словно я в Шоу Трумана, где все за мной наблюдали и смеялись, показывая пальцами. Над твоей Ириной кто – то стоял. Не могла она все провернуть. Кто – то, кто хорошо нашу семью знал.

– Есть варианты?

– Роман Климов. Отец Глеба.

– А он разве не в тюрьме?

– Сел почти сразу после выпускного, но вот вышел полгода назад, незадолго до меня. Так, мне нужно поспать. Поехали, – он расплывается, хочу выйти через главный вход, но тормозит.

– Если Климов следит за нами, то нам лучше сделать вид,

что я тебе не поверил.

– Чтобы он не навредил?

– Да, он может посчитать тебя угрозой. Нужно убедить его, что все идет по его плану.

Я вытаскиваю руку. Я все понимаю, но обида жжет изнутри.

– А Эллу мы начнем ее искать?

– Сейчас нельзя светиться, Алис. Давай с этими мудаками управимся, а потом займемся поисками малышки.

– И на сколько это затянется?

– Я... Не знаю. Я блядь даже не знаю, в чем конкретно их план. Дай мне время, ладно.

– Ладно.

– Алис...

– Ладно! – хочу обойти его...

– Ну и куда ты.

– Миш, ты сам сказал, что нужно сделать вид, что ты мне не поверил, ссоры очень кстати.

– Ну какая ссора, Алис, тебе не кажется, что после всего мы не должны ругаться, – тянется он ко мне, но я чуть отталкиваю.

– Если Климов следит.

– Алиса.

– Ну серьезно, не до поцелуев сейчас. Сам сказал, нужно решить с мудаками. Я такси вызову.

– Ты одна живешь?

– Нет, на это нужно много денег.

– Я дам, – идет за мной как привязанный, а я тороплюсь на улицу. Воздуха не хватает. – Алис, ты чего хочешь?

– Не знаю, – толкаю его снова. Я все тебе рассказала, а ты даже не посочувствовал. Неужели тебя даже не торкнуло.

Чувствую почти облегчение, когда он тянет руку, обхватывает затылок и толкает к себе. Врезается носом в висок, жарко шепча.

– Да меня пришибло это все насквозь. Алис, малышка. Я просто не осознаю всего масштаба пиздеца. Я все решу. Доверься мне, ладно. И дочку нашу найдем, я тебе обещаю. Давай не ругаться.

– Давай, – киваю, скользя пальцами по его напряженной руке. Он тут же ловит их, стискивает.

– Вызывай такси. Я обиженный пойду обратно.

– Ладно, – тошно просто от того, что снова нужно играть какую – то роль. Я просто отвыкла за год от этого, привыкла быть собой. Я умом то понимаю, что Миша прав, но удаляясь от него, душу себя эмоциями, потому что ожидала совсем другого. Была уверена, что стоит ему узнать о дочери, он тут же бросится ее искать. Мы вместе ее найдем. Вместе создадим семью. Возможно я поторопилась, возможно вообще не стоило искать Мишу, потому что правдой я поставила под угрозу его, себя и нашу дочь.

Глава 11

Провожая взглядом такси. Алиса – Олеся обижена и это понятно. Но я тоже не в адеквате.

Хватаю очередную сигарету. Втягиваю едкий дым, насытиться им не могу.

Выдыхаю и смотрю сквозь.

В нем образы Олеси, которая кричит. Снова и снова. Сначала пока толкаю в нее член, потом, когда оказывается за решеткой, потом рождает, потом теряет ребенка.... Я затягиваюсь снова, откашливаюсь словно старик больной туберкулезом. Грудную клетку как будто на части разрывают, сердце пытаются достать. Чувство вины затягивает в пучину, не дает пошевелиться, вдохнуть. Каждый глоток воздуха ядом пахнет. Кулак сам врезается в бок любимой тачки. Почему я так просто повелся на этот спор. Зачем он был мне нужен, что и кому я пытался доказать? Разрушил жизнь девчонки, которая теперь каждую минуту подвергается опасности... вопрос, почему Алису не убили, учитывая, что она легко могла мне все рассказать. Или настолько уверены в моей преданности, что даже мысли не допускают о том, что я могу ей поверить. Считают меня марионеткой, у которой собственных мозгов нет... А выслушал бы я Алису, не испытывая к ней столь сильных чувств, не уверен.

Башка от мыслей разрывается, спасает третья сигарета.

За руль сажусь чуть пьяный. Разбиться бы к херам, тогда и Алису в покое оставят навсегда, да и сама она забудет все как страшный сон. Найдет себе парня нормального, влюбиться, в постель с ним ляжет... живот крутит от фильма, что крутит фантазия. Легко, да, это было бы легко. Вильнуть в сторону, врезаться в столб, сдохнуть в один момент. Думаю, даже почти не больно. Легко. Именно такие пути я всегда выбирал. Легкие, не напрягающие мозг. Может пора свернуть? Начать думать. Начать жить и взять свое. Выбить свое место под жестоким солнцем.

Торможу на ближайшем кармане. Парковки пустые, да и город пустеет.

Беру телефон и набираю Романа. Он говорил, что всегда на связи. И действительно, отвечает сразу.

– Мих, все нормально?

– Почему спрашиваешь? – уже следит за мной? Что именно знает и как это проверить?

– Потому что время десять, дел у нас на сегодня уже не было.

«– Хочу убить Алису», – говорю просто, вертя в руках сигарету.

В трубке раздается напряженное молчание. Что я знаю о Климове, так это, что молчит он редко. Язык подвешен настолько, что он мог в тюрьме людей кончать с собой, если они ему надоедали.

– Плохая идея, сынок. Ты только вышел, ее смерть может

привлечь внимание к тебе. Ты виделся с ней?

– Да. Она пыталась меня убедить в своей любви.

– Что именно она сказала?

– А должна была?

– Ну она ведь действительно твоя одноклассница, Мишань. Тут она не соврала.

– Вы же говорили... Хотя это Глеб.

– Глеб debil, не слушай его. Эта Алиса и правда была вашей одноклассницей и сидела из-за тебя в тюрьме.

– Она сказала правду? – пытаюсь играть дурачка, хотя желание схватить его и вытрясти правду непреодолимое.

– Она сказала правду. Но не всю. Если ты рассчитываешь, что эта девчонка тебя любит, то зря. У меня есть запись, которая дает понять, что эта девчонка ненавидит тебя.

– Запись? – по коже мороз... Скинь мне.

– Миш, может не стоит это слушать.

– Скидывай! – ору, но тут же выдыхаю. Что еще блядь за запись?

– Ладно, только не буянь. Ее трогать пока нельзя. Да и безвредна она без Ирины.

– Я понял, ты запись скинь...

Он отключается, а через несколько секунд мне падает аудио файл.

Смотрю на него, не зная, что чувствую. Я поверил Алисе, думая, что Роман меня обманывает. Но он подтвердил ее слова. Насколько в реальности Олеся меня простила?

«— И у тебя получилось? Он убьет ради тебя?

— Он? Он даже умрет, ради меня, так влюблен, что даже смешно.

— Умница. Я переживала, что ты влюбишься в него.

— В собственного насильника? В человека, из-за которого умерла моя мать, а я попала в тюрьму, да никогда.»

Глава 12

Роман...

– Да чтоб тебя, – дешевый вид с балкона как красная тряпка, как и телка, которая стала уже раздражать. Ей повезло, что она нужна, иначе выкинул бы с этого самого балкона.

– Ром? Что случилось? – трет глаза Нина, а я натягиваю трусы и рывкаю.

– Ничего. Просто сделай мне чай, – стараюсь говорить спокойно, но в душе кипит возмущение. Какого хуя он повелся на рассказни Олеси так быстро. И это его «убью» было насквозь фальшивым, что стало ясно, он решил, что я ему врал все это время. Придется действовать иначе. Терпеть не могу, когда все не по плану. Сука.

– Чай? Сейчас? – спрашивает немного сонным голосом, именно в этот момент входная дверь хлопает, извещая о появлении Олеси. Надо быстрее, пока этот придурок не начал названивать.

– А знаешь, я сам.

– Стой! Там, наверное, Алиса уже пришла.

– И что?

– Ей не понравится, что ты тут ночуешь.

Придется привыкнуть к моему присутствию в своей жизни.

– Я вам не помешаю, – натягиваю футболку и штаны. –

Лежи, не дергайся.

– Ну Ром...

– Лежи я сказал! – рявкаю я на эту дуру. Думал медленно к Олесе подбираться, через ее соседку, но придется сегодня совершить внеплановое знакомство. Нина падает в кровать, накрываясь одеялом. Знает меня, поэтому боится и не возникает.

Открываю дверь в спальню и сразу натываюсь на удивленный взгляд Олеси.

– Здравствуйте, а вы...

– Роман. Друг Нины. Попить чаю хотел.

– Приятно познакомиться. Ну пейте, я спать пойду.

– Компанию мне не составите? – спрашиваю, не давая ей пройти в свою комнату. Она хмурится, оглядывая меня с головы до ног.

– Нет.

– А если расскажу про Мишу то, чего ты не знала, Олеся? – говорю в лоб, чтобы шокировать и заинтересовать.

– Это вам Нина про меня рассказала? – спрашивает медленно, а я головой качаю.

– Даже если бы она рассказала мне подробности твоей жизни, она вряд ли знала, что твой отец сидел в тюрьме.

Олеся хмурится сильнее и кивает на кухню.

– Если что, я прекрасно знаю, как протыкать ножом человеческую плоть.

– Не сомневаюсь, Олесь.

– Я Алиса. И прошу называть меня именно так, – заходит она на кухню, я за ней. Дверь прикрываю. Она возится с чаем, поглядывая то на меня, то на ножи. Я же рассматриваю ее. Неудивительно, что Миша с легкостью повелся на этот лакомый кусочек. Ее мать была точно такой же. Разве, что более доступной и открытой. Этим и зацепила в свое время. Радовалась любым толикам внимания, даже когда приходил раз в месяц на одну ночь и с подарком. Даже когда сказал, что не женюсь, потому что уже женат. Она была рада любой помощи. Ладно, душой была ее мать. Тем более, когда связалась с этим вырождением Виктором. Я ее пару раз предупредил насчет него, но у той любовь в пизде играла. Очевидно трахаться Витюша умел. Найти бы его и расчленил.

– Вы так и будете молчать....

– Роман. Мое имя.

– Понятно, – ставит она чашки, печенье, садится, напротив. – Я вас знаю? Лицо мне кажется знакомым.

– Знаешь.

– Вы я смотрю немногословны.

– Я больше по делам, чем по разговорам, – достаю телефон и открываю запись разговора с Мишей. После фразы о том, что он собирается ее убить, лицо Алисы каменеет.

– Что это?

– Как только ты уехала, Миша набрал меня и рассказал все, что ты ему поведала.

– Кто вы!?

– Я отец Глеба. Тот, кто помог выйти Мише из тюрьмы.
Роман Климов...

– Что вам нужно? – каменеет ее тело, руки сжимаются в кулаки.

– А другом Нины вы стали, чтобы...

– Познакомиться с тобой поближе.

– Познакомились, выметайтесь! – кричит она и становится еще красивее. Вот чего не хватало в ее матери – огня, который полыхает в глазах.

– Не уйду, пока ты меня не выслушаешь. Я помочь хочу. Защитить.

– От кого? От Миши?! Он меня и пальцем не тронет!

– Уверена? А ты не думала, почему он так легко поверил в твою версию событий? Не думала, почему пришел к тебе без скандала? Да еще и трахнул сначала, вместо того, чтобы начать разговор?

– Зачем мне об этом думать?

– Потому что он уже все знал! Очнись!

– Знал? Не правда. Он был удивлен.

– Он знал, что ты та самая Олеся и что ненавидела его.

Открой телефон. Он наверняка прислал доказательство.

– Какое?

– Открой. Посмотри.

Она хмурится, достает телефон и слушает свой собственный голос. Прикрывает рот рукой, ахает.

– Я хочу тебя защитить. От него и от людей, что стоят

за ним. Я лишь пешка в этой игре. Как и ты...

— Кто вы такой? — кричит она и бросает телефон, когда на него звонит Миша. Сукин сын. Не хватало только ему сюда заявиться. — Почему вы хотите помочь?

Я шумно выдыхаю, смотря прямо в глаза девчонке, которую брал на руки в детстве всего пару раз.

Думал почувствую, хоть что — то. Но нет. Ни к ней. Ни к Глебу. Я всегда их считал обязанностью, но жил только ради денег. Ради власти. Строил схемы, убивал, тоже только ради нее.

— Я твой отец.

— Нет...

— Тот самый Климов Роман, который сидел в тюрьме, тот, кто помог тебе поступить в лучший лицей города и очень долгое время содержал вас с матерью.

Олеся качает головой, раскрывая глаза все шире.

— Это...

— Шокирует, понимаю.

— Почему я должна вам верить?

— Потому что я сел в тюрьму, когда попытался отомстить за тебя Хворостовым.

— Что?

— Это долгая история, но поверь, я очень старался отомстить и старшему, и младшему. Я прислал к тебе Ирину, я хотел, чтобы она помогла.

– Это все вы? Из-за вас я...

– Я совершил не мало ошибок, но до сих пор считаю, что поступил верно. Ты бы не выжила без наставницы там. И тебе самой хотелось отомстить этому выродку, ты же убить себя хотела...

– А мой ребенок? Вы знали, что...

– Нет. Ирина не упомянула про этот рычаг давления. Но я сделаю все, чтобы помочь найти малышку и вернуть ее тебе. Но ты должна слушаться меня. Ради спасения своей жизни и жизни моей дорогой внучки, – верит, верит. Так дочь увидеть хочет, что верит любому слову.

– Почему вы не приходили... Этот год.

– Нам нельзя видаться. Это опасно. В первую очередь для тебя.

Телефон на столе жужжит. Миша.

Она долго смотрит на него, потом на меня.

– Что мне делать?

– Ответь, скажи, что это все вранье и ты его любишь.

– Он не поверит.

– Но мы выиграем время, а потом подумаем, как его устранить.

– Устранить? – шепчет еле слышно. – Вы же сами его из тюрьмы вытащили...

– Да, Олесь. Либо мы его. Либо он тебя. Рисковать нельзя. Я понимаю, что ты его любишь, но ты потом поймешь, что я был прав. Доверься мне. Доверься мне, дочка.

Глава 13

Алиса

– Если ты не ответишь, он придет, – напоминает мне мой новый папаша, а я вдруг понимаю, что в прошлой жизни где – то жестко нагрешила, если нынешняя никак не может сложиться. Я не могу отойти от шока. Мой отец. Человек, который оплачивал матери квартиру, мою учебу, который сидел в тюрьме. Я узнаю его, лицо сразу показалось мне знакомым. В памяти отложилось лишь пару моментов с этим человеком. Приятные, но бессмысленные. Я никогда не ощущала его любви, не чувствую ее и сейчас. Лишь голый расчет. Вопрос про Мишу, тем более, остается открытым. Так ли уж он хочет меня убить. И запись эта. Очень удачно вырвано из контекста. Как и мой разговор с Ириной. Очень удачно. Мне не сложно понять, что движет этим человеком. Судя по белоснежной рубашке, загару из солярия и бриллиантовым запонкам этот мужик помешан на деньгах точно так же, как и его сын. Господи, меня стошнит сейчас. Получается Глеб мой брат. Я целовалась с собственным братом. С ублюдком, который ради денег не побоится предать друга, женится на нелюбимой, заставит изнасиловать сестру. Он знал? Почему – то я не сомневаюсь в этом.

– Не сегодня, так завтра.

– Завтра я предлагаю тебе поехать в один город соседней

области, возможно именно там ты найдешь Эллу. Ты же хочешь ее найти?

– Конечно, – зачем он спрашивает то, что и так знает?

– Ну вот. Пока тебя не будет, он успеет остыть. Отвечай на звонок, а то скоро телефон загорится.

Беру резко трубку, понимая, что не смогу сказать Мише и доли того, что хочется. Словно на канате посреди пропасти и одно лишнее движение подарит мне красивую и быструю смерть. Роман выглядит весьма решительным человеком, и почему до сих не убил меня и Мишу, предстоит выяснить. Только как, если каждое слово словно шаг по канату.

– Да Миш. Поздно уже. Спать хочу.

– Спать? – рывкает он в трубку так резко, что я отвожу телефон от уха. Роман тут же отбирает его и включает громкую связь. – Ты видела, что я тебе отправил?

– Слышала, ты хотел сказать. Конечно, – поднимаю глаза на Романа. Он не отводит свой, сканируя каждое мое слово, а возможно и мысли. – И если ты считаешь, что я тебя обманываю, то тогда нам не стоит больше видеться.

– Не стоит? – шипит он. – Ты мне в любви клялась, а теперь что?

«– Там, где нет доверия, нет любви», – говорю тупую фразу. Ну давай Миша, просто послушай меня. Просто сделай вид, что тебе тоже плевать.

– А может ты все же пиздежница? Может ты все-таки врала мне, а сейчас не знаешь, как отмазаться?

– Я не отмазываюсь, я хочу спать. И не рядом с человеком, который может причинить мне вред.

– Это я хочу причинить тебе вред?

– Если ты не веришь, значит злишься. И я не знаю, на что ты способен. Я вообще оказывается мало, что знаю. Как и ты. Миша замолкает, а Роман просит заканчивать разговор.

– А что насчет дочери.

Роман показывает крест, и я киваю.

– Может и не было никакой беременности?

– Думай, как хочешь. «Не звони мне больше», – говорю и отключаюсь. Сердце разрывается, стучит в висках набатом. Хочется вскочить, орать, крушить все вокруг, но я лишь впиваю ногти в свое бедро, чувствуя, как боль облегчает истерику. Я даже не смогу ему ничего объяснить, понятно, что Роман будет контролировать каждый наш шаг. Как долго он продержит нас с Мишей в живых – самый важный вопрос.

– Ты ж моя умница, – протягивает он ладонь, чистую, ухоженную, и я внутренне сжимаюсь, опускаю в нее свою. Чувствую жесткий захват. – Будь послушной, и мы сможем не только вернуть Эллу, но и получить все тебе причитающееся от семьи Хворостовых.

– Много? – задаю невинный вопрос, а он расплывается в улыбке.

– Ты даже не представляешь, насколько... Ладно, пойду успокою твою подругу, а то на там лежит, переживает.

– Она много знает? – спрашиваю в его спину, а он усме-

хается.

– Только то, что нужно девке ее формата. Спокойной ночи. Помни, милая, я рядом.

– Даже не сомневаюсь.

– И называй меня папа. Мне будет приятно.

– Хорошо, – сглатываю рвотный рефлекс. – Папа.

Глава 14

Миша не звонил и не писал уже неделю. Знаю, что нас бы в любом случае подслушали, но я все равно, то и дело смотрела в телефон. И на работе, порой забывая, что нужно делать, и гипнотизируя наш последний чат и его сообщение. На учебе. Даже, когда спустя пару дней мы с новым «папой» отправились в очередное путешествие искать Эллу. Я все время поглядывала в экран.

– Не писал больше?

Качаю головой, внутренне сжимаюсь. Мне он неприятен. Я все пытаюсь найти в себе отголоски дочерних чувств, но все, о чем думаю, что будь в моих руках нож, я бы могла нанести удары и ему. Просто потому что во мне говорит инстинкт самосохранения. Да, да, я, слышала, как он мстил за меня Хворостовым, и как угодил в тюрьму. Но это не помешало ему попытаться украсть у них деньги и сейчас пытаться найти выходы к наследству Миши.

– Ну и правильно. Он уже переключился на дочь партнёра, с которой я его познакомил.

Во мне это отзывается болью, но я лишь киваю. Правильно, забыть меня самое правильное в этой ситуации. Переключиться. Жить дальше. Пусть отдельно, но жить.

– Думаю, вот тебе тоже нужно с кем – то познакомиться. Чтобы рассказать потом Мише, что я шлюха, которая вра-

ла о любви?

– Конечно. Как только найдется кто – то подходящий.

– Не затягивай. Сейчас я заканчиваю подготовку с документами. Думаю, скоро Мишу можно будет убрать. Ты же мне поможешь?

– Чем смогу. Убивать сама я не буду.

– Конечно нет. Умные люди вообще никого своими руками не убивают. Ты знала, кстати, что Гитлер никого лично не убил, – просто интересно, он сравнил с Гитлером себя или меня? – Приехали. Пойдем, может там твоя девочка.

Он выходит, а я наконец отрываю взгляд от телефона и вглядываюсь в серое здание. Обшарпанное, но разукрашенное в радугу. Волнение нарастает, ноги отказываются идти. А вдруг она там. Вдруг в этот раз повезет?

Выхожу из машины, иду вперед, догоняю его крупную фигуру. Мы добираемся до входа, где нас встречает орава детей и женщина. Уже немолодая, но симпатичная. Она перестает улыбаться, запахивает шаль плотнее на груди, смотрит хмуро. Судя по всему, тут не любят чужаков.

– Чем могу помочь?

– Нам сообщили, что тут может быть вот эта девочка. Элла Васнецова, – он показывает экран телефона.

В меня врзается мяч, и я отдаю его белокурой девочке с пятнышком на носу. Она могла бы быть очень красивой, если бы не оно.

– Пойдемте посмотрим конечно, но к нам никого не пере-

водят. О нас вообще мало кто знает.

Разочарование горьким вкусом скапливается на языке. Я уже знаю, что мы не найдем ее тут.

– Простите, можно вас, – прошу внимания женщины, когда Климов отходит поговорить по телефону.

– У меня есть шанс ее найти?

Она смотрит на меня с долей сочувствия и качает головой.

– Вы видите это фото? А ее платье? Вам не кажется ничего странным?

– Станным?

– Это фото качественное, а платье из дорогой детской коллекции. Я могу ошибаться, дорогая, но скорее всего вашу девочку усыновили еще младенцем. И документы как раз хранились в том детском сгоревшем доме. Если только поискать электронную документацию. Только вот...

– Что?

– Она скорее всего вполне довольна и счастлива, у нее есть отец и мать. Ну это как вариант.

– А если ей плохо? Если она страдает?

– Все возможно. Удачи вам в поисках.

– Спасибо, – киваю я, чувствуя, как сердце заходится от стука. Больно то как. Словно мне снова сказали, что возможно она умерла. Я даже мысли не допускала об усыновлении. Ведь Ирина тогда бы точно знала об этом?

– Все, едем. Не переживай, дорогая. Мы будем искать, пока не найдем.

– А если, – торможу перед машиной. Вглядываюсь в небо. К нему я обращалась сотни раз, когда была в тюрьме. Так хотелось дышать свободно. И никак не получается. Словно кто – то цепью обтянул все тело. – Если ее усыновили?

– Мы отберем нашу внучку. По закону. Не переживай. С родной матерью ей всегда будет лучше, верно?

И с дедушкой, который в любой момент может убить?

Мы возвращаемся в город, и я даже забываю о Мише. О телефоне. Обо всем. Всматриваюсь в лучистые глаза Эллы, рассматриваю оборки на красивом платье. У меня такого никогда не было.

Горе от потери захватывает все больше, а поговорить не с кем. Внутри такой раздрай, что я почти не замечаю людей вокруг себя. Учусь и работаю на автомате. С Ниной больше не могу разговаривать, ее дифирамбы Климову отдаются острым желанием сказать ей, кто он такой на самом деле. Проблема в том, что даже я не знаю, кто он такой на самом деле и на что способен.

Ирина... Обманула меня. Но у нее же должны были сохраниться хоть какие – то документы. Хоть что – то, что поможет мне понять. Как жить дальше.

Я нахожу в своей сумке ключи от квартиры, в которой мы обитали с Ириной. После ареста Миши лишь молчаливыми соседями. Я не захотела туда возвращаться, просто не имела права, тем более, что именно там Ирина покончила с собой.

Но теперь мне придется туда вернуться. Только телефон я свой оставляю на работе «случайно», а сама еду на метро. Время уже позднее, людей почти нет, а на улице свежо после очередного дождя. Мне не хватает солнца. Уже очень давно.

Порой мысленно возвращаюсь на Бали, когда лицо горело от прямых лучей, жгло, делало больно, но все равно дарило удовольствие. Наверное, потому что эту боль я делила с Мишей. И боль, и радость, и похоть.

Все на двоих.

А теперь я снова одна.

Я раньше думала, что одиночество моя прерогатива, была уверена, что меня это устроит. Но очевидно ошиблась. Не хватает плеча, просто на которое можно опереться и на разрыв пореветь.

Дохожу до жилого комплекса, поднимаю глаза к темным окнам. Там уже давно чисто, но призрак Ирины так и витает возле меня. Сглатываю страх и смело вхожу в подъезд. Поднимаюсь на десятый этаж. Вставляю ключ, замираю, чувствуя неотчётливое волнение. Сердце ускоряет ход, а шею сдавливает страх. Толкаю дверь ступая в темноту, сразу чувствуя запах горелой бумаги.

Вскрикиваю, когда на моем рту оказывается тяжелая рука. Крик рвется из горла, но тут же глохнет в родном, любимом голосе.

– Не ори, это я.

Он отпускает руку, когда понимает, что кричать не буду.

Поворачивает к себе. Его лицо видно лишь тенью на фоне уличных фонарей, что светят в окна.

Мы смотрим друг на друга, почти не дышим. Кажется, что он за спиной, а я над пропастью. Толкнет? Спасет?

Глава 15

Все мое существо тянется к нему, жаждет любого контакта. Даже боли. И вселенная слышит. Миша впивается пальцами в мои предплечья, почти шипя в лицо.

– Любишь меня?

Боже, какой простой вопрос.

– Люблю. Очень люблю. Порой кажется, что любовь к тебе единственное, что держит меня здесь.

Он шумно выдыхает, кивает.

– Я тоже тебя люблю, помни об этом всегда, – тянет меня на себя, соединяя наши тела. Я чувствую, как меня окрыляет все, как сознание плавится, а тело плывет на волнах эйфории. Бабочки в животе не просто порхают, они съедают меня заживо. Хочется ближе, хочется больше.

Где – то на самом дальнем участке мозга еще трепыхается мысль, что нам нужно поговорить, все выяснить, задать друг другу вопросы, но и ее сносит ветром желания, что буквально стреляет электричеством между нами.

Сколько прошло с его признания, какие – то секунды, но вот его губы уже накрывают мои. Ловят отчаянный стон, принимают протяжный хрип.

Тут же впиваюсь в его рубашку пальцами, ткань сминая сильно, словно порвать хочу.

Хочу. Хочу. Целовать хочу.

Языками сражаться.

Купаться в горьковатой слюне, но ощущать родной запах и задышаться им.

Его руки гладят, посылают колючие мурашки.

Его руки алчно задирают одежду, а я лишь помогаю ее снять. Сама расстегиваю череду маленьких пуговиц, наконец касаясь его спортивного, подсушенного торса. Я скучала. Господи, как я скучала.

Миша тянет меня за хвост, разрывает поцелуй и вгрызается в шею. Я ахаю от боли и волны похоти, что стрелой пронзает тело.

Между ног питерская влажность и я стискиваю бедра, словно мучая себя этим еще сильнее. Но не долго.

Миша сдергивает лифчик, накрывает грудь и больно сжимает. Соски терзает, губами от шеи вниз ведет. Находит языком каждый и просто уносит в поднебесье.

– Миша, боже, Миша.

– Алис, думал сдохну без тебя, – возвращается к губам, а я наконец умудряюсь его рубашку стащить, ремнем на брюках заняться. Он руки отбрасывает, сам щелкает пряжкой. Толкает меня к стене и легко над полом приподнимает. Рвано целует, часто дышит, его пульс во мне бьется.

Жмурюсь до красных точек перед глазами. Это остро. Это на грани. И его тело под пальцами. И его губы, словно пьющие меня.

– Алис, в глаза мне смотри. Видеть тебя хочу. Заебался

фантазировать.

Разлепляю мокрые от слез веки, чувствую, как он удерживает одной рукой, другой штаны с меня стягивает. Труссы оставляет. Глупая мысль, но они самые простые. Но оказывается из вполне можно отодвинуть в сторону, чтобы... Ох черт. Они насквозь. А внутри столько влаги, что по бедрам потекла.

У Миши кадык дергается, когда он тоже это чувствует, пальцами собирает, к своему лицу подносит.

Втягивает запах носом, как одержимый.

Облизывает, смотря мне в глаза.

Мне бы пошутить про извращенца, но сейчас ни черта не до шуток. Потому что я хочу тоже попробовать это на вкус. Смешанный с его собственным.

Тянусь к его губам, и он дает их мне. Чуть прикусывает, а потом в рот мой язык пускает. Целуемся словно безумные. Снова и снова. До жгучей боли в скулах, до заболевших губ.

И только ночь нам судья и даже призрак Ирины добродушно оставляет нас одних.

Я в глаза Миши смотрю, но зрачков не вижу, сплошная тьма. И я в себя ее вбираю, свою дарю. Он насильник. Я убийца. Идеальная парочка. Так гармонично соединённая вселенной в этом мгновении.

Наверное, поэтому так сложно.

И нам нужно об этом поговорить. Обо всем.

Но я теряю шанс на это, как только его пальцы вновь ока-

зываются в моих мокрых складочках, сжимают их, доводят до точки кипения кровь.

– Миишааа... – ногтями царапаю плечи, часто дышу, сама двигаясь на его руке.

Мне нужно. Сейчас. С ним.

Пальцы пробиваются внутрь. Сразу два. Двигаются резко, вызывая бурю внизу живота и крики из груди. Но он быстро их убирает.

Ноги шире раздвигает.

Опускаем синхронно взгляд туда, где головка щели касается. Теряется в поблескивающих влагой лепестках, пронзает меня все глубже, сильнее, теснее.

Смотрим до тех пор, пока член полностью не теряется внутри меня, разрывая изнутри ощущения растянутости, правильности происходящего.

Нет стыда. Нет сожаления. Нет страха. Лишь острое, ни с чем несравнимое удовольствие.

Я хватаюсь за его плечи, держу, пытаюсь дыхание выровнять, бесполезно. Меня ведет как пьяную, да Миша не слишком трезвый.

– Он же врал, у тебя никого не было?

Миша касается меня лбом, скалится.

– У меня вообще ощущение, что я до тебя тоже девственником был.

– Миш...

– Никого. Нахер мне замены, когда есть охуенный origi-

нал.

– Миш...

– Заткнись, Алис, я и так на грани, – обхватывает пальцами мою задницу, врезаясь в меня снова. Я лишь ахаю, чувствуя его плоть каждым сантиметром. Кажется, даже могу сказать, где бьется пульс в его венах.

Он двигается во мне сильными рывками, удерживает в одном положении.

Голова падает мне на грудь, и я вскрикиваю, когда один сосок оказывается в плену его рта.

Он терзает его, потом второй. Доводя до точки невозврата.

Где только нирвана, которая бьет гейзером в каждой клетке моего тела.

Он врывается в меня снова. Членом. Языком. Двигает ими почти синхронно. Без башки. Одержимо. Грязно. До хлюпающих звуков. До пошлых стонов.

Я настолько не в себе, что прикусываю его до крови. Он в ответ вдавливая мою голову в стену, начинает трахать жестче. Частыми рывками, в самое нутро.

Мне нужно совсем немного, осталось совсем чуть – чуть. Голова взрывается красками. И сильную их струю я чувствую на животе. Миша сильно хрипит, часто дышит, удерживает меня еле – еле, пока тело дрожит, а по глазам слезы. Оргазм был? Все закончилось? Мне нужно еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.